

Если бы Лин Лаогэнь был здесь, он наверняка снова принялся бы качать головой, вздыхать и сокрушаться. В этих краях обычные парни из-за давления общественных норм и воспитания вырастают такими же сдержанными и тихими, как девицы. Но Лин Амо, на беду, понятия не имел, что такое сдержанность или скромность. Он был готов на всё: и в горы взобраться, и на дерево залезть, и рыбу в реке ловить. Его не пугали пересуды односельчан — он давно привык, что о нём говорят, а свой живой и неугомонный характер изменить уже не мог.

— Осторожнее.

У Цинъюань знал его нрав и не стал препятствовать, лишь настороженно встал под деревом, передвигаясь вслед за ним. Он раскинул руки, словно готовый в любую секунду подхватить парня, и не сводил глаз с Лин Амо, глядя на него с такой заботой, которой сам от себя не ожидал.

— Не бойся, брат У, я часто по этим деревьям лазаю, как родные они мне! Ого, гляди, какое огромное гнездо, сколько яиц!

Лин Амо, повиснув на ветке, ничуть не боялся. С самого детства он был шустрым, и деревенские дети, кроме работы по дому, обожали бегать по горам и рекам в поисках всякой съедобной всячины. Разорение птичьих гнезд было одним из обязательных навыков местной ребятни.

Хотя по деревенским меркам он уже считался взрослым, в свои неполные двадцать он оставался мальчишкой, в котором бурлила энергия. Раз Лин Лаогэня не было рядом, он не стал сдерживаться и с радостными криками, разносившимися по всему склону, принялся собирать находку.

У Цинъюань смотрел на того, кто сидел на дереве, и ему казалось, что время замедлило свой ход. Окружающая зелень словно выцвела, став черно-белой, и лишь фигура юноши на ветке сияла яркими красками, приковывая взгляд и заставляя сердце биться в ином ритме.

В этот самый момент, когда Лин Амо потянулся за яйцами, на соседней ветке внезапно показалась змея. От неожиданности парень вскрикнул:

— Змея!

Инстинктивно отпрянув, он потерял равновесие. Ветка оказалась слишком тонкой, нога соскользнула в пустоту, и он полетел вниз.

— Амо!

Сердце У Цинъюаня сжалось. Он рванулся вперед, подпрыгнул и поймал падающего.

Однако удержать его на весу не удалось. Хотя У Цинъюань был силен, ловок и обучен боевым искусствам, он не был легендарным мастером, способным летать по воздуху. К тому же Лин Амо был уже взрослым парнем, и, несмотря на худобу, его вес был ощутим. Инерция падения повалила их обоих на землю.

У Цинъюань по инерции прижал парня к себе, защищая от удара, и, перекатившись пару раз, замер.

Когда они пришли в себя, оказалось, что У Цинъюань лежит на спине, а Амо распластался сверху. Его тонкая талия была охвачена крепкими руками, а затылок бережно прижат к широкой ладони. Их лица разделяло не больше кулака, и при каждом выдохе они чувствовали дыхание друг друга.

Тук-тук, тук-тук... В этот миг сердца обоих забились в бешеном ритме.

— ...

От тесного прикосновения тел Лин Амо лишился дара речи. Особенно сильно на него подействовал запах У Цинъюаня — резкий, незнакомый, исходящий от настоящего мужчины, — и эта тяжелая рука, плотно сжимающая его талию. Лицо парня вмиг залилось краской.

Он чувствовал, как бешено колотится его сердце, дыхание стало прерывистым, а внутри поселилось странное, нервное напряжение.

Лин Амо застыл, прижавшись к У Цинъюаню. Его руки, лежавшие на груди мужчины, сжались в кулаки. Мужской аромат окутал его со всех сторон, став таким близким, что их дыхание перемешалось.

Он был парнем бойким и толстокожим, но не глупым. Он хотел немедленно вскочить, но тело словно окаменело, став одновременно жестким и ватыным. Всё пропало, думал он, что делать, что делать, руки-ноги не слушаются!

Он не смел взглянуть на У Цинъюаня, его глаза беспокойно бегали по сторонам, а в голове царил хаос. Ресницы мелко дрожали, словно два присевших на веки мотылька, выдавая его смущение и растерянность. Никогда еще он не был в столь близких объятиях.

— ...

У Цинъюань молчал, глядя на него. Его дыхание стало медленным, а руки, обнимающие парня, сжались чуть крепче. Он не хотел отпускать эту тонкую фигурку, а дрожащие ресницы заставляли его сердце трепетать.

Это сильное чувство пробудило в нем нечто особенное. В голове промелькнула мысль —

внезапная, но такая ясная и непреодолимая. Казалось, в сердце, которое дремало тридцать с лишним лет, что-то наконец ожило.

Прохладный ветерок обдувал их, но не мог разогнать летний зной и повисшую в воздухе двусмысленность.

— Брат! Брат У! Вы что делаете?

Голос Лин Тяньбао, донесшийся издалека, разрушил чары. Лин Амо наконец обрел способность двигаться, в испуге и смущении вырвался из объятий и вскочил на ноги.

— Ни, ничего! Брат просто яйца собирал, да оступился. Постой, братец, ты же дома был? Как ты здесь оказался?

Лин Амо оправдывался, запинаясь, и тут же поспешил сменить тему. Он не решался посмотреть У Цинъюаню в глаза, но, украдкой взглянув, увидел, что тот смотрит на него. От этого стало еще жарче, и он втянул голову в плечи, словно котенок, которому наступили на хвост.

Эта реакция вызвала легкую улыбку на тонких губах У Цинъюаня. Он едва заметно потер ладонь, которая только что обнимала парня, и согласно кивнул.

Лин Тяньбао, ребенок еще несмышленный, хоть и почувствовал, что между ними что-то не так, не придал этому значения. Его лишь удивило, почему у брата такое красное лицо.

Мальчик ощупал Лин Амо, убедился, что тот не поранился, и таинственно прошептал:

— Хорошо, что ты цел, брат! Я прибежал к тебе с отличными новостями...

— С какими новостями?

— Это брат Хайшэн! Брат Хайшэн пришел к нам свататься! Его повысили до управляющего в лавке зерна, он сейчас сидит в нашей гостиной вместе с матерью и свахой. Они принесли столько всего: два кокоса, разные сладости, три рулона хлопковой ткани, и, о, еще жареного поросенка! Брат, ты так прославился! Жареный поросенок! Вся деревня сбежалась посмотреть!

Лин Тяньбао сиял от восторга.

Лин Амо замер, лицо его выражало полное замешательство. У Цинъюань поднял голову, улыбка исчезла с его губ.

Лин Амо стоял, не в силах пошевелиться.

Его сватовство затянулось на долгие годы. Казалось бы, он должен радоваться, особенно когда пришел Чжао Хайшэн, который всегда казался ему неплохим парнем. Но почему-то сейчас он не чувствовал никакой радости — лишь пустоту и странную тревогу, которую не мог выразить словами.

— Брат, чего ты застыл? Пошли скорее домой!

Лин Тяньбао, не понимая его чувств, лишь радовался, что вопрос с браком наконец решится и никто больше не посмеет сказать, что брата никто не берет замуж. Он потянул Лин Амо за рукав.

Отказываться было неудобно, и Лин Амо пришлось пойти следом. У Цинъюань, нахмурившись, последовал за ними.

Путь назад пролетел быстро, и вскоре они уже были у дома Лин. Как и говорил Тяньбао, двор был полон зевак, а семья Чжао принесла немало подарков. Однако атмосфера была далека от праздничной: Лин Лаогэнь с мотыгой в руках выгонял семью Чжао вместе с их дарами.

— Вон! Я вам сказал, даже если моего Амо никто не возьмет, я всё равно не отдам его вам! Убирайтесь, проваливайте отсюда!

Лин Лаогэнь, обычно мягкий и покладистый, сейчас был подобен разъяренному зверю. Даже его жена, госпожа Лин, которая с жадностью поглядывала на свадебные подарки, не решилась вмешаться — таким страшным был старший сын, когда выходил из себя. Односельчане и подавно не смели подойти.

— Старый сумасшедший! Да посмотри на своего Амо, какой он! Наш Хайшэн молод и работящ, кто в деревне сравнится с ним? Мы даем два ляна серебра в качестве выкупа, столько подарков, а ты еще нос воротишь! Уродливый, да еще с таким отцом — неудивительно, что Амо уже девятнадцать и его никто не берет...

Супруги Чжао, не рискуя вступать в драку, отступили на безопасное расстояние и продолжали выкрикивать оскорбления. Лин Лаогэнь злился, но понимал, что, хоть слова их и обидны, доля правды в них есть. Однако он ни за что не позволит Амо связать судьбу с этой семьей — он прожил на свете достаточно, чтобы понять, что у Чжао на уме недоброе.

— Нашими делами вам заниматься не стоит!

Лин Лаогэнь с силой ударил мотыгой о землю, продолжая вытеснять их со двора. В конце

концов, не добившись своего, супруги Чжао, осыпая всех проклятиями, были вынуждены уйти.

Когда троица вернулась, они как раз застали уходящую чету Чжао, всю в пыли и ярости.

Лин Тяньбао, ничего не понимая, подбежал к отцу:

— Папа, что случилось? Почему они ушли? Разве они не пришли свататься к брату? Вы что, уже всё решили?

— Свататься! Да они с дурными мыслями пришли!

Лицо Лин Лаогэня, едва он вспомнил о визите, стало еще мрачнее. Он бросил мотыгу и легонько подзатылил Тяньбао:

— Глупый мальчишка, десять лет, а ума нет! Чему ты радуешься? Слушай сюда: они пришли, чтобы забрать твоего брата в дом как рабочую силу. А твой «братец» Хайшэн — негодяй! У него в городе есть возлюбленная, а он послал родителей свататься к нам, чтобы сделать твоего брата «равной женой» в придачу к той девице. Запомни: если они еще раз придут, дверь не открывать, слышишь?

— Что? Брат Хайшэн правда такой?

Глаза Лин Тяньбао округлились, а на детском лице проступил гнев.

«Равная жена» — звучит красиво, но для парня из такой семьи, как их, это означало лишь жизнь в тени, прислуживание и издевательства.

— Конечно, правда! Стал бы я врать? Брат У всё видел своими глазами: этот негодяй Чжао Хайшэн на улице миловался с другой девушкой...

Лин Лаогэнь решил больше не скрывать правду.

— Да, — подтвердил У Цинъюань, глядя на Лин Амо.

Лицо Лин Тяньбао залилось краской от возмущения, а Лин Амо опустил голову, его лицо изменилось. Трудно было сказать, что это была за боль — он не любил Чжао Хайшэна, просто чувствовал глубокое разочарование. Он так надеялся, что кто-то сможет принять его таким, какой он есть, но реальность вновь ударила по нему: как бы он ни старался, он никому не нужен...

— Амо, семья Чжао — негодяи, не принимай это близко к сердцу. Вот увидишь, когда брат У

вылечит твоё лицо, к тебе ещё очередь из женихов выстроится.

Чжоу-гэ, взяв его за руку, пытался утешить.

— Папа, я устал, пойду отдохну.

Лин Амо, не в силах сдерживать слезы, развернулся и быстро убежал в свою комнату.

— Амо!

— Брат!

Боясь, что он натворит чего-нибудь с горя, Чжоу-гэ и Тяньбао бросились следом.

У Цинъюань остался во дворе. Он смотрел на закрытую дверь комнаты Амо, но не пошел за ними. Вместо этого он придвинул табурет к Лин Лаогэню, чтобы отвлечь старика разговором.

Лин Лаогэнь, нуждавшийся в выходе эмоций, доверился У Цинъюаню, видя в нем мудрого человека. У Цинъюань, обладавший спокойным и рассудительным характером, быстро успокоил старика.

— Брат У, как же хорошо, что ты всё понимаешь. Вот бы найти Амо кого-то, похожего на тебя, а то местные парни — все сплошь недалекие...

Лин Лаогэнь вздохнул с облегчением.

— Тогда, дядя, может, отдашь Амо мне? Я ведь тоже ещё не женат.

У Цинъюань улыбнулся.

— Ха-ха-ха, ну ты и шутник, брат У, умеешь поднять настроение!

Лин Лаогэнь рассмеялся, приняв это за шутку. Он и подумать не мог, что У Цинъюань говорит серьезно. В его глазах У Цинъюань был состоятельным человеком, который не чета их бедной семье, да и Амо — всего лишь «неценный» паренек.

Лин Лаогэнь похлопал его по плечу, довольный тем, что хандра отступила. У Цинъюань лишь улыбнулся, не став ничего уточнять. Только он сам знал, шутка это была или нет.

Когда Чжоу-гэ и Тяньбао вышли из комнаты Амо, У Цинъюань поднялся:

— Дядя, я пойду проведу Амо.

Он взял приготовленную целебную мазь из трав, которые они собрали в горах, и таз с водой.

— Хорошо, спасибо тебе, брат У. Поговори с ним, ты умеешь находить правильные слова.

Лин Лаогэнь кивнул, ни на секунду не усомнившись в том, что посторонний мужчина заходит в комнату к парню.

Лин Амо был оптимистом, но даже у таких людей бывают моменты отчаяния. Он всегда утешал себя тем, что внешность — не главное, но поступок семьи Чжао стал тем самым ведром холодной воды, которое погасило остатки его надежд.

Когда У Цинъюань постучал, Амо открыл дверь с покрасневшими глазами.

— Брат У, что-то случилось? — голос его дрожал от сдерживаемых слез.

— Травы настоялись, пришел лечить твое лицо.

У Цинъюань поднял миску с темной мазью, используя это как повод. В любой другой день Амо прыгал бы от радости, но сейчас на душе было пусто. К чему это всё, если он всё равно останется «уродом» в глазах людей?

Лин Амо не был образован, но был проницателен. Однако, видя, как старался У Цинъюань, он не мог отказать и позволил ему войти.

В комнате У Цинъюань не стал много говорить, видя подавленное состояние парня. Он велел ему умыться и принялся аккуратно наносить мазь. Лин Амо послушно сидел на краю кровати, непривычно тихий и покорный.

Эта кротость заставила сердце У Цинъюаня забиться чаще. Его пальцы, касавшиеся нежной кожи, словно обжигались раскаленной лавой.

— Возможно, это испытание, посланное свыше, — мягко начал У Цинъюань. — Те, кому суждено совершить великое, сначала должны пройти через невзгоды. То, что люди в деревне злословят, не значит, что все смотрят лишь на внешность. Чжао Хайшэн тебя не достоин.

— Брат У, не утешай меня, — прошептал Амо. — Я знаю, как я выгляжу. Я и сам на себя смотреть не люблю, чего уж ждать от других?

Это самоуничижение больно отозвалось в сердце У Цинъюаня.

— Я не утешаю, я говорю правду, — У Цинъюань отложил миску, сел напротив Амо и посмотрел ему прямо в глаза. — Ты очень способный: умеешь считать, работать, зарабатывать деньги своим мастерством. Ты достоин уважения.

— Но какая от этого польза, если никто не хочет брать меня в жены... — Амо снова поник.

— Ты так сильно хочешь выйти замуж? — У Цинъюань вдруг не сдержал улыбки.

<http://bllate.org/book/20032/1977526>